

ДЖОН ДЖОНСОН,
профессор Аризонского государственного
университета (Темпе, США)

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ,
ассистент кафедры социологии Восточно-
украинского национального университета
им. В.Даля (Луганск)

Экзистенциальные аспекты доверия¹

Abstract

The paper offers interpretation of a trust phenomenon from positions of existential sociology (the approaches of the Californian school and E.Tiryakian). Authors pay attention to emergence, development, and infringement of trust at early life stages. The structure, levels, factors, and aspects of trust presented in various sociological and psychological researches are analyzed: basic trust/ basic distrust (E.Erikson); empathic optimal frustration (H.Kohut); trust to the world, trust to another and trust to own self (T.Skripkina); the personified and abstract trust, ontological security (E.Giddens); radiuses of trust (F.Fukujama); the rational credit of trust, the blind and naive trust, the cultural capital, a syndrome of distrust, paradoxes of democracy (P. Sztompka). Drawing from the data of annual public opinion surveys, the phenomenon of mass distrust in the Ukrainian society is discussed. Various existential aspects of trust, such as existential experience, ontologic safety, existential choice, absurdity and fear are highlighted and examined. It is emphasized that the problem of distrust in the Ukrainian society should be reoriented and reformulated as the problem of social justice which needs to be considered through a prism of existential experience.

¹ Статья основана на материалах доклада “Мудрость недоверия: размышления об украинском обществе и украинской социологии”, представленного А.Мельниковым и Дж.Джонсоном на ежегодной встрече “Общества символического интеракционизма”, проходившей в рамках 102 Конференции Американской социологической ассоциации (Нью-Йорк, 11–14 августа 2007 года).

После того как в 1991 году Украина стала независимым государством, процессы демократии и институционального развития в ней осложнялись глубоким экономическим кризисом. Кризис отразился на социальной, политической, культурной сферах общества и проник в сознание людей на социально-психологическом уровне, вызвав всеобщее *социальное безумие*, как назвали это состояние украинские социологи Евгений Головаха и Наталья Панина в одноименной работе [Головаха, Панина, 1994]. Одним из характерных проявлений этого социетального кризисного состояния стал феномен массового недоверия украинских граждан прежде всего к политическим институтам, не осуществляющим своих основных функций.

В связи с распадом двуполярного мира и новым этапом развития глобального общества социологи стали уделять все больше внимания феномену доверия. Ф.Фукуяма, П.Штомпка, Э.Гидденс, Н.Луман, А.Селигмен и другие известные исследователи предлагают различные концепции и точки зрения на социальные аспекты доверия, но почти все подчеркивают важность фактора доверия в обществе и значимость его конституирующих и регулятивных функций. Однако при всем многообразии изучаемых характеристик доверия в социологических исследованиях не находит отражения экзистенциальная интерпретация этого социального феномена. Поэтому главной целью нашей статьи стала попытка рассмотреть некоторые экзистенциальные аспекты доверия сквозь призму экзистенциальной социологии, предметная область которой охватывает человеческий “опыт-в-мире” во всех его формах (калифорнийская школа) и отражение экзистенциальных измерений человеческого бытия на социетальном уровне (Эдвард Тирикьян).

При изучении феномена доверия в украинском обществе большой интерес представляют данные ежегодного мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социологии НАНУ. Результаты этого мониторинга стали предпосылкой нашего исследования и размышлений о природе и значении доверия для индивида и общества. Кратко описав, как доверие возникает в жизни большинства людей, что оно для них означает и как проявляется нарушение или злоупотребление доверием, мы подходим к утверждению нашей позиции, согласно которой для украинского общества “проблема” недоверия граждан должна быть переориентирована или переформулирована как *проблема социальной справедливости*.

Истоки доверия и его роль в индивидуальном опыте

Исходной экзистенциальной основой доверия является его непосредственное переживание. Особенное влияние на индивида такой прямой опыт оказывает на ранних этапах жизни, существенно определяя в дальнейшем значимость доверия и его воздействие на интегральный экзистенциальный опыт. Подавляющее большинство людей впервые испытывают состояния, связанные с доверием или недоверием, еще с момента рождения, а часто даже во внутриутробный период. Младенческая связь с матерью — глубокий, исконный и основополагающий опыт для большинства индивидов. Забота и любовь матери к младенцу идеализирована и символизирована во всех культурах. Всемирноизвестные исследования Томаса Бразельтона показали глубокое значение младенческой связи с матерью, а Джон Боулби в работе “Привязанность и утрата” подтвердил важность этой связи в более широком кон-

тексте человеческой привязанности и верности вообще [Brazelton, 1963, 1980; Brazelton et al., 1974; Brazelton et al., 1975; Bolby, 1971–1979].

В биологическом смысле у человека самый долгий период зависимости в сравнении с другими приматами, и опыт первых месяцев всегда очень важен для дальнейшей жизни человека. В книге “Искусство любить” Эрих Фромм утверждает, что ранняя привязанность или зависимость очень существенно сказывается на последующем развитии человека, особенно на формировании чувства безопасности или, напротив, незащищенности, ненадежности [Fromm, 1974]. Тельма Роуэлл также обнаружила подобное влияние на примере других приматов, которых нередко ловят еще в раннем возрасте и растят как домашних животных, а когда они становятся старше, передают в зоопарки. Как отмечает Роуэлл, у этих искусственно возвращенных животных обычно почти не наблюдается брачного поведения, а особи женского пола не заботятся о своих младенцах, которых после этого приходится растить искусственно, воспроизведя, таким образом, проблемы размножения в следующем поколении. Конечно, случаи с этими животными, содержащимися в зоопарках, могут существенно разниться. Тот факт, что некоторые особи все же размножаются, предполагает наличие некоего минимального периода, в течение которого приобретает необходимый социальный опыт, что показали исследования “резус-особей” в раннем возрасте. У “особей, изолированных в возрасте первых трех месяцев жизни, — пишет Роуэлл, — а после того помещенных в группу, не выявились никакие постоянные негативные признаки. Однако изоляция в течение первого года жизни оказалась разрушительной для всех социальных способностей и навыков. Период между тремя и девятью месяцами оказался критическим для воспроизводства нормального социального поведения, даже если в первые три месяца почти все коммуникативные жесты проявлялись” [Rowell, 1972, p. 137].

Значение связи мать–ребенок и ее раннего переживания может весьма драматично проявляться в тех случаях, когда эта связь почему-либо отсутствует или же мать отказывается от новорожденного. Мы можем снова сослаться на исследования Бразельтона, в которых описаны подобные случаи. Еще один широко известный пример — это множество румынских детей, которые во времена репрессивного режима Николае Чаушеску 1970–1980-х годов попадали в другие семьи вскоре после рождения. Даже тогда, когда эти младенцы в итоге были приняты любящей семьей, многие из них оказались неспособными преодолеть последствия ранних месяцев или лет социальной изоляции. Другое, крайнее проявление разрыва связи с матерью мы можем проиллюстрировать на примере печально известных в США маньяков и серийных убийц: Теодор Банди, жертвами которого стали тридцать три женщины, был брошен своей матерью Элизабет Коуэлл; Генри Ли Лукаса, признавшегося в убийстве сотен женщин по всем Соединенным Штатам, жестоко избивала родная мать, которая и стала его первой жертвой; Дэвид Берковиц — стрелок, известный как “Сын Сэма”, убивший одиннадцать человек в Нью-Йорке, — был оставлен при рождении матерью, которая и после того, как он позже нашел ее, снова от него отказалась; Чарльз Старквезер, убивший семь человек в течение одиннадцати “безумных” дней в штате Небраска, подвергался унижению со стороны своей матери, и т. д. [см.: Hickey, 2006].

В целом высокие показатели материнской смертности, известные в истории, нередко компенсировались тем, что находились люди, готовые заменить ребенку мать; обычно это тетя, сестра или бабушка, а если возможно —

отец. Младенческая связь с ними и привязанность к ним в такой ситуации может благодаря “кумулятивному” эффекту перерастать в чувство безопасности, защищенности, любви.

Большое влияние на психологов, исследующих проблемы развития, оказала широко известная работа Эрика Эриксона “Детство и общество”, в которой он отмечал развитие у детей либо чувства “базисного доверия”, либо противоположного чувства “базисного недоверия” под воздействием их среды [Erikson, 1963]. Базисное доверие означает наличие у ребенка обобщенного ожидания со стороны внешнего окружения в основном доброжелательности и положительных событий; базисное же недоверие — наличие противоположных ожиданий. Впрочем, нельзя утверждать, что дети, испытывающие чувство базисного доверия, совершенно не сталкиваются с негативными и неблагоприятными либо противоречивыми явлениями. Жизнь зачастую трудна и полна проблем, однако важно, что человек, которому присуще базисное доверие, переживает, воспримет и интерпретирует разного рода неблагоприятные события иным образом, чем тот, кто переживает базисное недоверие. В психологическом отношении у ребенка в состоянии недоверия начинают развиваться защитные ожидания и способы адаптации к неблагоприятным событиям или действиям.

Благотворная и надежная связь матери с ребенком, особенно в сочетании с другими значительными родственными отношениями и привязанностями (отец, родные братья и сестры, бабушка и дедушка и т.д.), становится важной основой для успешного процесса дальнейшего развития. Этот процесс не является простым, монокаузальным или линейным. Напротив, он часто бывает противоречивым и содержит множество различных аспектов. Дети сталкиваются с конфликтами и напряженными отношениями в семье и во взаимодействии с другими детьми и подростковой средой. Успешные связи имеют тенденцию способствовать дальнейшим успехам в этих проблематичных человеческих отношениях, тогда как неудачи в этой сфере аналогичным образом имеют тенденцию обуславливать другие неудачи. Существует зависимость между успешными связями в пределах семьи и успешным развитием ранней дружбы, общности и чувства родства, которые, в свою очередь, играют важную роль при столкновении с жизненными трудностями.

На ранней стадии жизни возникают как доверительные формы отношений, так и конфликтные и деструктивные, в частности злоупотребление доверием. Оба этих вида отношений могут возникать либо в пределах семьи, например в виде типичных конфликтов между родными братьями/сестрами, либо за ее пределами, например в виде распространенных подростковых конфликтов. Данные конфликты и злоупотребления можно разделить по степени значимости их влияния и дальнейших последствий. В дружеских отношениях детей младшего возраста, как правило, нарушения связи можно довольно легко исправить и восстановить. Для старших детей, столкнувшихся с “предательством”, наиболее общим паттерном поведения становится переориентация привязанностей и построение новых дружеских отношений. Серьезные злоупотребления доверием чреваты эмоционально подавляющим эффектом в любом возрасте. На крайние проявления предательства индивид может ответить насилием, местью или, что чаще всего случается, став менее доверчивым, не предпринимать радикальных ответных действий.

Когда насилие над ребенком в детстве приобретает особенно жестокий характер, последствия для человека могут быть очень глубокими. Злоупот-

ребления доверием в таких случаях оставляют след на всю оставшуюся жизнь. В последние сорок лет в США появилось довольно много работ на эту тему [см.: Barnett et al., 2005]. В частности, исследования Хайнца Кохута [Kohut, 1971, 1977] показывают, что выражение агрессии в младенческом возрасте и в раннем детстве — чрезвычайно распространенное явление. Такая агрессия возникает как реакция на *значимых других*, которые не обеспечивают удовлетворения потребностей, необходимого для дальнейшего развития ребенка. Данный фактор Кохут обозначает понятием “оптимальная эмпатическая фрустрация”, что означает социальный процесс, дающий детям понимание того, что невозможно все время удовлетворять все свои потребности. Это понимание формируется не вследствие отказов или пренебрежения со стороны родителей или опекунов, а потому, что они не могут “входить в положение” ребенка в каждый миг. Младенцы реагируют на “оптимальную фрустрацию” с определенной мерой настойчивости, или здоровой агрессией, и благодаря этому, в конечном счете, узнают, что жизнь не всегда прекрасна и мир существует не только для одной-единственной цели — удовлетворять их потребности. Вместе с тем в этом процессе ребенок переживает собственное здоровое самоутверждение и начинает понимать, как можно использовать это во взаимодействии со значимыми другими.

Однако в ситуациях, когда потребности ребенка систематически и непрерывно не удовлетворяются, когда он сталкивается с постоянными отказами, его самоутверждение может перерасти из здоровой формы в губительную. Эта трансформация самоутверждения отражена в исследованиях Лонни Атенса [Athens, 1992], которые показывают, что когда ребенок сталкивается с жестокостью, когда ситуация становится мучительной и он “психологически сломлен”, ранняя (мягкая) агрессия самоутверждения может преобразоваться в защитный или разрушительный гнев, враждебность и насилие по отношению к другим людям. В самых крайних случаях жестокого обращения или непрерывных отказов человек может стать параноиком или даже, как видно из книги Атенса, “опасным, жестоким преступником”.

Состояние доверия не присуще человеку изначально. Доверие переживают и постигают в социальном по своим основаниям процессе развития, включающем конфликты, напряженные отношения и даже предательства. Люди учатся, испытывая доверие и злоупотребление им. По мере того как индивид растет и развивается, происходит накопление опыта, связанного с доверием и недоверием.

Структура и уровни доверия

Экзистенциальный опыт доверия всегда социально структурирован и стратифицирован. Доверие тех, кто проживает в больших урбанистических метрополиях, существенно отличается от доверия более обособленных жителей сельской местности; доверие в пределах одной социальной страты или этнической группы может в меньшей степени распространяться на другие социальные слои и этнические группы и т.д. Доверие на межличностном уровне, в ситуациях непосредственного взаимодействия может значительно отличаться от доверия к абстрактным системам (“анонимным другим”), предполагающего безличные обязательства. По мнению британского социолога Энтони Гидденса, “персонифицированное” доверие “служит главным источником чувства честности и аутентичности”, минимизируя тем самым

угрозу “утраты личностного смысла” [цит. по: Заболотная, 2003: с. 68]. В то же время доверие к анонимным другим (в качестве которых могут выступать различные составляющие общества, социальные институты и т.д.) выполняет важнейшую функцию, обеспечивая ощущение надежности самих повседневных отношений. Чтоб обозначить состояние доверия/недоверия и подчеркнуть экзистенциальный аспект этих феноменов, Гидденс использует понятие “онтологическая безопасность”, понимая под ним “конфиденциальность или доверие, которые являют собой природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности” [Гидденс, 2003: с. 499]. Таким образом, для ощущения онтологической безопасности человеку требуется определенный опыт доверительных связей и отношений как с конкретными людьми в ситуациях лицом-к-лицу, так и с анонимными другими.

В связи с выделением двух уровней доверия — личностного и абстрактного — возникает понятие “радиуса доверия” (Ф.Фукуяма). Идущие от индивида радиусы доверия увеличиваются в зависимости от степени масштабности и абстрактности: доверие по возрастным, половым, расовым признакам; доверие к различным социальным ролям; доверие к социальным группам; доверие к социальным институтам; доверие к социальным системам [см.: Фрейк, 2006]. Однако очевидно, что персонифицированное и абстрактное доверие не существуют отдельно, в чистом виде. Абстрактные системы всегда проявляются на персонифицированном уровне, и наоборот — индивиды, с которыми мы вступаем в непосредственные взаимодействия, всегда обладают “признаками абстрактности”, являясь носителями социальных ролей, представителями социальных групп и институциональных сфер жизни общества и т.д.

Известный российский исследователь проблемы доверия Татьяна Скрипкина проанализировала структуру этого социального феномена с позиций, близких к экзистенциальному подходу в социологии. Она отмечает, что вследствие разрушения устоявшихся общественных норм и перехода общества от “социоцентрической” системы ценностей к “персоноцентрической” растет число “степеней свободы” для выбора себя и своей жизни каждым конкретным индивидом. А так как многие оказываются не в состоянии справиться с ответственностью, возникающей вместе с возможностью выбора, и отказываются от “свободы” (в экзистенциальном значении этого понятия), то это приводит к утрате “ощущения себя” и личностной идентичности, что и порождает в итоге кризис доверия в обществе.

Т.Скрипкина выделяет в структуре доверия три основных неразрывно связанных между собой элемента — доверие к миру, доверие к другому и доверие к себе. Доверие вообще она определяет как форму веры, представляющую собой самостоятельный вид отношения к миру и к себе, сущность которого отражается в соотношении меры доверия к миру и меры доверия к себе. Основными условиями возникновения доверия исследовательница считает актуальную значимость объекта доверия и оценку его как безопасного. Глубже анализируя структуру доверия, она обнаруживает шесть основных видов этого социально-психологического феномена в зависимости от сочетания разных типов позиций, занимаемых двумя взаимодействующими людьми по отношению друг к другу и одновременно по отношению к себе (например, оба взаимодействующих субъекта доверяют себе, но не доверя-

ют другому; оба полагаются друг на друга более, чем на себя, и др.), что обуславливает различия результатов таких социальных взаимодействий.

С позиции экзистенциальной социологии, в предложенной модели структуры доверия особый интерес вызывает такой ее элемент, как “доверие к себе”. Воздействие этого элемента доверия, по мнению Скрипкиной, проявляется в том, какие поступки человек совершает, решаясь на них и неся за них ответственность. Таким образом, доверие к себе выступает как способность самостоятельно ставить цели и доверять себе в их достижении. Целеполагание всегда тесно связано с проблемой выбора. Скрипкина отмечает, что выбор в экзистенциальном смысле определяется прежде всего ценностно-смысловыми координатами, которые выполняют при этом функцию ограничения. Проблема выбора связана также с прошлым опытом успехов и неудач и с осознанием собственных возможностей, то есть следует из динамического отношения между притязаниями и самооценкой индивида [Скрипкина, 1998].

Другой известный исследователь, польский социолог Петр Штомпка, изучая доверие в обществе, выделяет три основных уровня проявления этого феномена. Первый из них, *рациональный кредит доверия*, выражается в том, что человек рационально оценивает и обдумывает степень своего доверия и возможные риски на основании учета различных аспектов ситуации (репутация, статус субъекта, заслуживающего доверия или нет, и т.д.). Второй уровень, который можно назвать *базовым доверием*, представляет собой психологическое свойство, основанное на раннем опыте и в некоторых способное возобладать над рациональными соображениями, вызывая, например, “слепое и наивное доверие” к людям или социальным институтам. Третий уровень доверия, *культурный капитал*, выходит за рамки отдельно взятых акторов и воплощается в “*типичных ориентациях*”, разделяемых большим количеством индивидов и носящих социальный характер, а следовательно, оказывающих некоторое нормативное давление или ограничение в отношении каждого актора. В этом смысле доверие становится свойством человеческих общностей, образуя *культурный капитал*, от которого люди могут отталкиваться в своих действиях” [Sztompka, 1998: p. 20].

Этот, третий уровень доверия, также может преобладать над *рациональным кредитом доверия*, вынуждая людей следовать культурным требованиям и доверять даже тому, кто/что является недостаточно надежным, исходя из двух других уровней доверия.

Исследуя социальный феномен доверия, Штомпка приходит к ряду выводов. Все посткоммунистические страны переживают состояние “синдрома недоверия”, действие которого уменьшается с постепенной стабилизацией социальных отношений, начиная с середины 1990-х годов. Эта тенденция не подтверждается результатами всеукраинского мониторинга Института социологии НАНУ (табл.), согласно которым уровень доверия в украинском обществе, за некоторыми исключениями, остался неизменным на протяжении 10 лет (1994–2004); только 2005 год, согласно Н.Паниной, стал “годом перелома”, что, очевидно, было вызвано политическими событиями в стране [см.: Панина, 2005]. В связи с тенденциями снижения или повышения уровня доверия в обществе Штомпка пишет: “Если социальная организация, структура институтов, цивилизационная и техническая среда повседневной жизни постоянны и устойчивы, то в случае изменений, проходящих постепенно и в предсказуемом направлении, вероятнее всего будет про-

являться *культурой доверия*. С другой стороны, в ситуации быстрых и радикальных социальных изменений, происходящих внезапно и, по всей видимости, наугад, без явной логики и направленности, происходит утрата экзистенциальной безопасности и появляется тенденция распространения всеобщего недоверия” [Sztompka, 1998: р. 23]. В итоге Штомпка обнаруживает возникновение и развитие из состояния экзистенциального кризиса “двух парадоксов демократии”, непосредственно связанных с феноменом доверия в обществе, — *институционализации недоверия во имя доверия и проявление институционализированного недоверия только в крайних случаях*, на общем фоне культуры доверия.

Таблица

Динамика уровня доверия в украинском обществе

Индекс доверия населения к:	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Семье и родственникам	4,5	4,5	4,6	4,6	4,5	4,5	4,6	4,5	4,5	4,5	4,4	4,5
Соотечественникам	3,1	3,2	3,2	3,1	3,2	3,1	3,1	3,1	—	—	3,2	3,4
Соседям	3,3	3,2	3,3	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2	—	—	—	3,3
Коллегам	3,3	3,4	3,3	3,2	3,3	3,2	3,2	3,3	3,5	3,4	3,3	3,5
Церкви и духовенству	3,1	3,2	3,0	3,0	3,0	2,9	3,1	3,1	3,3	3,2	3,3	3,5
Астрологам	2,5	2,5	2,4	2,4	2,4	2,3	2,4	2,4	2,4	2,4	2,3	2,4
Средствам массовой информации (телевидение, радио, газеты)	2,7	2,7	2,7	2,7	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	3,0	2,9	3,0
Налоговой инспекции	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	2,3	2,4
Милиции	2,3	2,2	2,2	2,1	2,2	2,2	2,3	2,2	2,3	2,2	2,3	2,4
Прокуратуре	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	2,3	2,4	2,4
Судам	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	2,3	2,4	2,4
Президенту	2,3	2,9	2,6	2,4	2,1	2,2	2,7	2,2	2,2	2,2	2,3	3,4
Верховной Раде	2,3	2,1	2,1	2,0	2,0	2,1	2,1	2,1	2,1	2,2	2,2	2,9
Правительству	2,3	2,4	2,3	2,2	2,1	2,1	2,4	2,3	2,2	2,2	2,3	3,1
Местным органам власти	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3	2,4	2,5	2,7
Армии	3,1	3,2	3,1	3,0	3,0	3,0	3,1	3,0	3,1	3,0	3,1	3,1
Профсоюзам	2,4	2,4	2,4	2,3	2,4	2,4	2,4	2,5	2,5	2,5	2,6	2,7
Политическим партиям	—	1,9	2,0	2,0	2,1	2,1	2,0	2,1	2,1	2,1	2,2	2,5
Коммунистической партии	2,3	2,1	2,1	2,1	2,4	2,4	2,2	2,3	—	—	—	2,3
Руководителям государственных предприятий	2,5	2,4	2,3	2,3	2,3	2,3	2,4	2,5	—	—	—	2,6
Частным предпринимателям	2,4	2,3	2,4	2,3	2,4	2,4	2,5	2,5	—	—	—	2,6
Банкам	—	—	—	—	—	—	—	—	2,1	2,2	2,3	2,5
Страховым компаниям	—	—	—	—	—	—	—	—	1,9	2,0	2,1	2,2
Благотворительным фондам, гражданским ассоциациям и объединениям	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,4	2,4

Примечание: Средний балл по шкале 1–5 баллов [см.: Паніна, 2005].

С точки зрения экзистенциальной социологии, рассмотрение уровней и структуры доверия, как, впрочем, применительно к структуре любого другого социального процесса или явления, предполагает пересмотр классического понимания структурного подхода. Эдвард Тирикьян отмечал, что социальные структуры по своей природе отличны от физических структур: "...понимание социальных структур как (моральных) явлений общественного сознания, а не как физических объектов позволит нам рассмотреть проблему социального изменения в качестве преобразований в сознании, а не в физической действительности. Поскольку сознание не фиксировано или статично, то рассмотрение социальной структуры и анализ формирования паттернов институциональной жизни должны предполагать использование понятий "структуриации", "деструктуриации" и "реструктуриации" [Tiryakian, 1970: p. 116].

Более глубокий взгляд на феномен доверия и его структуру с позиций экзистенциальной социологии поможет лучше понять сущность, закономерности и тенденции его формирования и изменений. В то же время раскрытие экзистенциальной природы доверия на микроуровне служит в качестве исходной установки для изучения массового отражения этого явления на социальном уровне.

Феномен массового недоверия в украинском обществе

В украинском социологическом сообществе широко известно, что, с начала 1990-х годов Институт социологии НАН Украины реализует крупномасштабный проект ежегодного мониторинга общественного мнения. Целью мониторинга стало изучение текущей социальной ситуации в украинском обществе, его структуры, институтов, национальных и культурных особенностей, отражаемых в общественном мнении. Группу исследователей возглавили социологи Наталья Панина и Евгений Головаха. В 2001 году они опубликовали книгу "Tendencies in the Development of Ukrainian Society 1994–2001: Sociological Indicators"¹, в которой были приведены результаты этого всестороннего мониторинга в Украине [Panina, Golovakha, 2001].

Подробное изучение этого исследовательского отчета заставляет признать высокий уровень недоверия граждан, затрагивающего фактически все аспекты жизни в Украине. Авторы, говоря об этом "состоянии массового недоверия к государственным и гражданским институтам общества", замечают: "Вы можете обратить внимание на уровень доверия населения к основным социальным институтам и структурам власти и увидеть, что, в среднем, доверие гражданина распространяется только на непосредственно самого себя, семью и Бога" [Panina, Golovakha, 2001: p. 122–123]. Далее, результаты одной из таблиц, отражающей сравнительные показатели проявления доверия в различных сферах жизни украинского общества [Panina, Golovakha, 2001: table B2, p. 53], свидетельствуют, что показатели доверия к астрологам

¹ Несмотря на то, что далее в статье мы используем данные всеукраинского мониторинга за 1994–2001 годы, как уже было отмечено, аналогичный исследовательский отчет за 2005 год показал, что в целом уровень доверия в украинском обществе с 2001–2004 годов не изменился [Паніна, 2005]. Исключение составляет 2005 год, но эти изменения требуют отдельного рассмотрения.

выше, чем аналогичные показатели по всем официальным государственным институтам, таким как Верховный Суд, парламент, Президент, милиция, политические партии, профсоюзы и частные предприниматели.

Высокий уровень недоверия настолько распространен, согласно данным отчета, что если его соотнести с высокими показателями по позиции “не ответили”, то вдумчивый читатель может проявить здоровый скептицизм в отношении того, стоит ли вообще верить этим данным. В конце концов, с таким высоким уровнем недоверия, выражаемого применительно ко всем аспектам социального порядка, на каких основаниях можно вообще признавать эти ответы и доверять им? Это — достаточно серьезный вопрос, и одни мы не можем здесь на него ответить. Даже если гипотетически предположить, что украинские граждане проявляют более высокий уровень доверия к социологам, проводившим опрос, чем к любым другим служащим государственного или гражданского учреждения (что отнесет последних к еще более низкому уровню по принятой шкале), то это могло бы привести к повышению коэффициента погрешности выборки и, в итоге, поставило бы под сомнение все исследование в целом. Это дает основания предполагать большую вероятность того, что подобные данные опроса, полученные в Украине, недостаточно достоверны.

Если украинские респонденты, участвовавшие в опросе, проявили к нему не больше доверия, чем ко всем другим государственным и гражданским институтам в Украине, тогда почему бы они вообще стали серьезно относиться к своим ответам и собственно их содержанию? Это также, на наш взгляд, непростой вопрос. Исследователи, работающие в области теории символического интеракционизма, вероятно, поддержали бы нас в том утверждении, что опросная ситуация сама должна быть изучена в качестве сложного социального взаимодействия, происходящего чаще всего между двумя, а иногда между несколькими людьми. Эти люди предварительно не знакомы друг с другом и не поддерживают никаких личных отношений. Таким образом, контекст, из которого на стадии выдвижения определенных утверждений или пунктов анкетного опроса возникают различные значения, создается в ситуации лицом-к-лицу.

Такой подход к опросной ситуации отражен в работе Аарона Сикурела “Метод и измерение в социологии”, где он утверждает, что результаты интервью или анкетного опроса не могут рассматриваться как некие “непроблематичные данные” [Cicourel, 1964]. Результаты должны быть исследованы с точки зрения тех аспектов опроса, которые показывают, каким образом поллстеры и незнакомые им ранее люди (респонденты) создают, согласовывают и управляют смысловыми значениями на протяжении встречи лицом-к-лицу. Кроме того, исследователи, знакомые с работами Герберта Блумера, могли бы отметить, что значения в ситуациях лицом-к-лицу могут возникать из самих этих ситуаций. Значения возникают из “живого” контекста социального взаимодействия (интервьюирование или анкетирование), который не может быть принят в качестве априорного или просто “данного” в исследовании [Blumer, 1969].

Не обладая действительным знанием этих аспектов украинского мониторинга, мы бы предположили, что некоторые респонденты могли интерпретировать вопросы мониторинга как повод “голосования” за тот или иной ответ, возможно, намереваясь “послать сообщение” тем представителям

власти, которые стали объектами их избирательных предпочтений, и в то же время все это не зависело от того, что они “действительно чувствовали” или “действительно думали” касательно содержания самого вопроса.

В упомянутом выше исследовательском отчете Головахи и Паниной еще одним из наиболее интересных аспектов с позиции экзистенциальной социологии являются данные, приведенные в таблице С4.13 “Психологическое состояние: интернальность/экстернальность” [Panina, Golovakha, 2001]. Эти данные показывают, что, например, в 2001 году большинство жителей Украины (53,6%) считали, что их жизнь зависит скорее от внешних обстоятельств. Экзистенциальные философы могли бы отметить, что это проявление “дурной веры”¹, экзистенциального аналога марксистской идеи “ложного сознания”. Но для социолога это интересная возможность для эмпирического исследования конструирования значений, с помощью которых люди определяют *причины* или *влияния* внешних обстоятельств. Какова лингвистическая структура выражения этих значений? Каким образом эти значения обусловлены социальной средой? И как связан феномен массового недоверия в украинском обществе с критериями интернальности/экстернальности? Здесь мы можем найти множество интересных возможностей для дальнейших исследований.

И все же, независимо от всех выдвинутых нами предположений, представляется очевидным тот факт, что украинские ученые и исследователи рассматривают высокий уровень недоверия в качестве серьезной проблемы для непосредственного национального будущего Украины, что отражено, например, в коллективной работе украинских социологов “Социология в Украине” [Sociology in Ukraine, 2000].

Мудрость недоверия

Доверие познается в процессе социального развития, зачастую занимающем значительный промежуток времени. Недоверие также познается. Человек может переживать состояния недоверия в течение продолжительного периода жизни, но чаще всего оно возникает в результате негативного опыта. Если граждане Украины выражают такой высокий уровень недоверия к национальным политическим, государственным и гражданским институтам, то не потому, что они — “неадекватны” как люди или как граждане. Недоверие — результат их экзистенциального опыта, в котором они столкнулись со злоупотреблением их доверием, например, с неоправданными политическими ожиданиями и невыполненными обещаниями политиков или партийных лидеров.

В одной из своих работ к этому аспекту обращаются Евгений Головаха и Наталья Панина. Они отмечают, что конфликт между демократическими идеалами и их реальным воплощением, имея закономерные основания, обуславливает формирование отрицательных оценок качества, темпов и глубины демократической трансформации. “Нынешняя двойственность отношения к демократии, — пишут Головаха и Панина, — находит проявление

¹ Имеется в виду концепция Ж.-П. Сартра, согласно которой человек избегает осознания своей ответственности по поводу “экзистенциального выбора”, ссылаясь на то, что его поведение определяется средой и всякого рода объективными причинами.

как в социальном, так и в индивидуальном сознании. Социально-психологическая амбивалентность делит общество на сторонников и противников мифа о равенстве и защищенности людей в социалистическом государстве. Свидетельство индивидуальной амбивалентности обнаруживается в установках по отношению к политическому и экономическому развитию. Они могут быть взаимоисключающими, например, в случае поддержки рыночной экономики и контроля цен или одобрения многопартийной системы и недоверия ко всем партиям” [Golovakha, Panina, 2000: p. 118].

В данной амбивалентности, если рассматривать ее глубже, проявляется еще одна важная экзистенциальная характеристика доверия — абсурдность. Так, следуя логике “парадоксов демократии” П.Штопки, мы могли бы отметить, что в украинском обществе обнаруживается “третий парадокс демократии” — *люди доверяют власть тем, кому они не доверяют*. Чтобы понять причины этого феномена, отмечают Головаха и Панина, необходимо учитывать эмоциональное состояние людей в обстоятельствах длительного социально-экономического кризиса. Доверие и недоверие являются эмоциональными состояниями, которые способны положительно или негативно влиять на жизнь человека, но ни то, ни другое не может освободить людей от необходимости принимать решения по жизненно важным проблемам, от ответственности перед лицом экзистенциального выбора. “Если люди не доверяют никому из кандидатов властные посты, то они голосуют за тех, кому они не доверяют в меньшей степени... Но невозможно выбрать президентом Бога, родственников — парламентариями, а себя — главой правительства” [Golovakha, Panina, 2001].

Наряду с “абсурдом”, еще одним тесно связанным с феноменом доверия/недоверия в обществе феноменом является *страх* — постоянная тема размышлений всех экзистенциальных мыслителей. Распространение страха и недоверия представляет собой политическую тактику, известную еще с древних времен, и ее использование имеет долгую историю и в тоталитарных, и в демократических обществах. При тоталитарном политическом строе распространение страха и недоверия может использоваться для оправдания централизованной или тоталитарной власти, обычно содержащего обещание лучшего будущего и более совершенного общественного порядка. Однако распространение страха и недоверия нередко используют и в демократических обществах. История США знает множество примеров “моральных крестовых походов”, которые подпитывались страхом, направленных на различные расовые или иммигрантские группы, наркотики, алкоголь, марихуану, сексуальную маниакальность, а в последнее время на террористов [см.: Altheide, 2006]. Распространение страха в обществе может использоваться в рамках тактики создания социальной дистанции и изоляции тех или иных различных социальных групп или стратегии по принципу “разделяй и властвуй”, долго служившей империалистам.

Комментируя крах кратковременного эксперимента с демократией в России, Анна Политковская отмечала, что российское общество не является большим обществом. Это масса изолированных друг от друга людей, которые не видят и не слышат друг друга, вместо того, чтобы объединиться, быть вместе — стать российским народом. Но ничего не происходит, и те, кто глубоко переживает такое положение дел, понимают, что никого это не заботит. Даже если в некоторых “бетонных ячейках без окон и дверей” находятся те,

кто это все-таки осознает, то это не приводит к какому-либо действию: “...они вспоминают о чужих проблемах только тогда, когда их собственная ситуация становится совершенно невыносимой... Власти делают все возможное для того, чтобы сделать эти ячейки еще более непроницаемыми, сея разногласия, настраивая одних против других, разделяя и властвуя. И люди поддаются. Это — настоящая проблема. Именно поэтому революция в России, когда она случается, является всегда только самым крайним проявлением. Препяды между ячейками разрушаются лишь тогда, когда отрицательные эмоции в них становятся уже неконтролируемыми” [Politkovskaya, 2007: p. 255].

Возвращаясь к примеру американского общества, мы можем обнаружить действие отмеченных выше “парадоксов демократии”. Отцы-основатели США были крайне недоверчивыми людьми. Политические лидеры были высокообразованными, получали классическое образование. Они осознавали, что человеческая история была по преимуществу историей тирании, и институционализировали свое недоверие в процессе формирования американской Конституции и управления. *Американская Конституция институционализирует недоверие*. Политические лидеры не доверяли всем ветвям власти — исполнительной, законодательной и судебной и предполагали, что если те будут предоставлены самим себе, то все обернется коррупцией и злоупотреблением властью. Они создали систему “сдержек и противовесов”, с тем чтобы каждая ветвь власти была ограничена в своих полномочиях.

В речах политических деятелей зачастую звучат впечатляющие риторические высказывания о том, как американцы любят свободу, об их стремлении к счастью и т.п., но фактически основополагающие юридические документы и законы США институционализируют недоверие. Недоверие является особой ценностью для тех, кого заботит политическая и социальная справедливость. Важно не доверять высоким прокламациям политиков и других лидеров, увидеть подоплеку политической риторики, чтобы понять, кто что делает и в чьих интересах и куда ведут финансовые следы. Казалось бы, система сдержек и противовесов Конституции Соединенных Штатов положительно зарекомендовала себя в течение последних двух столетий. Однако недавнее возникновение “имперского президентства” и подчинение законодательных и судебных ветвей исполнительной власти снова напоминает нам мудрость отцов-основателей относительно того, что политическая тирания была доминирующей темой в истории и что любые политические формы со временем могут трансформироваться в нечто совершенно противоположное.

Становление демократии всегда происходит в определенном историческом и культурном контексте. Она возникает и развивается на протяжении долгого времени. Пока не ясно, удастся ли преодолеть массовое недоверие украинских граждан прогрессивными политическими действиями и социальными изменениями в попытке сделать политические процессы принятия решений открытыми и прозрачными для всех сторон, создать процессуальное правосудие и независимую судебную власть, распространить социальную справедливость на более широкий спектр групп интересов. Но пока многие верят в достижение этой социальной справедливости, мудро быть недоверчивым к политической риторике и пустым обещаниям политических деятелей.

Заключение

В данной статье мы попытались определить и рассмотреть некоторые экзистенциальные аспекты доверия и его социальной сущности. Мы не приводили эти аспекты в некую строгую логическую систему и выделили только те из них, которые могут, на наш взгляд, иметь наибольшее значение для понимания современного состояния этого социального феномена. Исходным пунктом экзистенциализма был кризис человека. Для экзистенциальной социологии это кризис современного общества, одним из проявлений которого, как мы увидели на примере Украины, является “синдром недоверия” — отражение экзистенциального измерения человеческого бытия на социальном уровне.

Фундаментальным, конституирующим экзистенциальным аспектом доверия является **непосредственный опыт переживания** этого феномена. Важным этапом опыта доверия/недоверия являются ранние годы жизни человека, на протяжении которых формируется его базовая установка и способность к доверительным социальным взаимодействиям — установка, которая всегда связана с предыдущим опытом и не может быть полностью пересмотрена только рефлексивным путем, вне нового опыта. Таким образом происходит накопление опыта, связанного с доверием и недоверием. Серьезные нарушения отношений доверия, особенно в раннем возрасте, могут влиять на человека всю оставшуюся жизнь. Однако и “наивное доверие” может приводить к негативным последствиям. Поэтому необходима *мудрость недоверия*, а также некий баланс между доверием к себе и доверием к другим.

Еще один важный экзистенциальный аспект доверия, как показал анализ структуры и уровней доверия на основе концепций Э.Гидденса, П.Штомпки, Т.Скрипкиной и других исследователей, — **онтологическая безопасность**, ощущение которой является первичной потребностью человека и которая возможна лишь при наличии определенного положительного опыта доверия. При этом важен опыт как “персонифицированного доверия” — главного источника чувства индивидуальной аутентичности, так и “абстрактного доверия”, обеспечивающего фоновое ощущение надежности самих повседневных отношений и формирующего социальный *культурный капитал* доверия.

Следующим аспектом доверия является **экзистенциальный выбор**, который укоренен в такой составляющей этого феномена, как “доверие к себе”, представляющее собой способность самостоятельного целеполагания и доверия к себе в достижении целей. Целеполагание всегда тесно связано с проблемой выбора, которая также восходит к прошлому опыту успехов и неудач и становится результатом “компромисса” между собственными стремлениями и возможностью их осуществления.

В качестве других экзистенциальных аспектов доверия/недоверия на социальном уровне мы затронули такие состояния, как **абсурд** и **страх**. Социальный абсурд и вызвавшие его противоречия порождают в современных обществах так называемые парадоксы демократии, которые утверждают недоверие как необходимое условие доверия. В украинском обществе мы обнаруживаем проявление “третьего парадокса демократии”, суть которого заключается в том, что люди доверяют свои полномочия тем, кому они не доверяют. Наряду с абсурдом, сознательное распространение страха в обществе является известной тактикой, позволяющей манипулировать дове-

рием и недоверием, направляя их в необходимое для политических руководителей русло.

Помимо рассмотрения теоретических аспектов мы обратили внимание и на методологическую составляющую исследований доверия и пришли к выводу о том, что данные массовых опросов (на примере всеукраинского мониторинга Института социологии НАН Украины) необходимо подвергать более глубокой, всесторонней интерпретации, в которой должна учитываться и сама опросная ситуация.

И наконец, один из наших выводов сводится к тезису: *недоверие — не проблема, проблема — справедливость*, что подразумевает позицию, согласно которой “проблема” недоверия в украинском обществе должна быть переориентирована и вновь сформулирована как проблема социальной справедливости, рассматриваемая в контексте экзистенциального опыта.

Литература

- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М., 2003.
- Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. — К., 1994.
- Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Сер.: Социология. — 2003. — № 1 (4). — С. 67–73.
- Паніна Н. Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. — К., 2005.
- Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: Дисс. ... д-ра психол. наук. — Ростов н/Д., 1998.
- Фрейк Н.В. Концепция доверия в исследованиях П.Штомпки // Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 10–18.
- Altheide D. Terrorism and the Politics of Fear. — Walnut Creek (CA), 2006.
- Athens L. The Creation of Dangerous, Violent Criminals. — Urbana (IL), 1992.
- Barnett O. et al. Family Violence Across the Life Span. — Thousand Oaks (CA), 2005.
- Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. — Englewood Cliffs (NJ), 1969.
- Bolby J. Attachment and Loss : 3 vol. — N.Y., 1971–1979.
- Brazelton T. The Early Mother-Infant Adjustment // Pediatrics. — 1963. — № 32. — P. 931–938.
- Brazelton T. Behavioral Competence of the Newborn Infant // Parent-Infant Relationships / Ed. by P.Taylor. — N.Y., 1980.
- Brazelton T., Kowalski B., Main M. The Origins of Reciprocity: The Early Mother-Infant Interaction // The Effect of the Infant on its Caregiver / Ed. by M.Lewis, L.Rosenbaum. — N.Y., 1974.
- Brazelton T. et al. Early Mother-Infant Reciprocity // Parent-Infant Interaction / Ed. by M.A.Hofer. — Amsterdam, 1975.
- Cicourel A. Method and Measurement in Sociology. — N.Y., 1964.
- Erikson E. Childhood and Society. — N.Y., 1963.
- Fromm E. The Art of Loving. — N.Y., 1974.
- Golovakha E., Panina N. The Development of Democratic Political Identity in the Contemporary Ukrainian Political Culture // Sociology in Ukraine: Selected Works Published During the 90th / Ed. by E.Golovakha, N.Panina, V.Vorona. — K., 2000. — P. 117–126.
- Golovakha E., Panina N. A social portrait of contemporary Ukraine // The Independent cultural journal “ji”. — 2001. — № 22. — Vol. 2. — <<http://www.ji.lviv.ua/n22texts/holovaha.htm>>.
- Hickey E. Serial Murderers and their Victims. — Belmont (CA), 2006.

- Kohut H.* The Analysis of the Self. — N.Y., 1971.
- Kohut H.* The Restoration of the Self. — N.Y., 1977.
- Panina N., Golovakha E.* Tendencies in the Development of Ukrainian Society 1994–2001: Sociological Indicators. — K., 2001.
- Politkovskaya A.* A Russian Diary. — L., 2007.
- Rowell T.* The Social Behavior of Monkeys. — N.Y., 1972.
- Sociology in Ukraine : Selected Works Published During the 90th / Ed. by E.Golovakha, N.Panina, V.Vorona. — K., 2000.
- Sztompka P.* Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy // European Journal of Social Theory. — 1998. — № 1 (1). — P. 19–32.
- Tiryakian E.* Structural Sociology // Theoretical Sociology: Perspectives and Developments / Ed. by J.McKinney, E.Tiryakian. — N.Y., 1970. — P. 111–135.